

© 2005 г. Д.С. ГАНЕНКОВ

**“КОНТАКТНЫЕ” ЛОКАЛИЗАЦИИ
В НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ***

На материале нахско-дагестанских языков в статье рассматривается особый тип пространственных показателей, которые указывают на наличие контакта между описываемым объектом и ориентиром (локализация СОНТ). Традиционно такие показатели обычно описывались как нахождение объекта на вертикальной (боковой и т.д.) поверхности. Однако в большинстве рассматриваемых нами языков функционирование локализации СОНТ связано в первую очередь со способом удержания объекта на поверхности, а не с ориентацией поверхности. Настоящая статья представляет собой первую попытку выявить инвентарь пространственных употреблений, в которых ожидается появление подобных показателей, а также установить семантические связи между отдельными употреблениями.

1. ВВЕДЕНИЕ

Одной из уникальных типологических черт, характерной для большинства нахско-дагестанских языков, является наличие в этих языках богатых именных словоизменительных систем, включающих до 40–50 единиц. В формальном отношении именная парадигма обычно четко делится на две части: “абстрактные” (“грамматические”, “синтаксические”) падежи и пространственные (“семантические”) формы. Если “абстрактные” падежи образуются присоединением падежного аффикса к основе, то пространственные формы имени включают в себя показатели двух различных грамматических категорий: локализации и ориентации. Граммемы категории локализации указывают на область пространства относительно некоторого ориентира, в которой находится (в которую перемещается или из которой перемещается) участник ситуации. Так, в нахско-дагестанских языках выделяются локализации на поверхности, внутри, около, под ориентиром и т.д., которые принято обозначать условными ярлыками на латинской основе: например, APUD ‘область пространства рядом с ориентиром’, SUPER ‘(верхняя) поверхность ориентира’, IN ‘пространство внутри ориентира’, SUB ‘пространство под ориентиром’, ANTE ‘пространство перед ориентиром’, POST ‘пространство позади ориентира’¹. В ряде языков (прежде всего, в лезгинских) показатели локализации у имен существительных как по форме, так и по семантике соотносятся с локативными превербными в составе глагольной словоформы².

* В основу данной статьи был положен доклад, прочитанный в октябре 2002 г. на заседании Московского типологического общества. Автор благодарит всех слушателей доклада за вопросы и комментарии, а также В.А. Плулгяна, Т.А. Майсака, Ю.А. Ландера, С.Р. Мерданову, Я.Г. Тестельца и А.Е. Кибрика, ознакомившихся с первоначальным вариантом статьи и высказавших свои замечания.

¹ Понятие локализации и система ярлыков для их обозначения в дагестанских языках были введены А.Е. Кибриком как развитие и продолжение финно-угорской традиции. Впервые они были применены в описании арчинского языка [Кибрик 1977]. Примеры семантических ярлыков, используемых при описании пространственных значений, см. также в [Тестелец 1980; Плулгян 2002].

² Общий обзор префиксальных систем в лезгинских языках дается в [Хидиров 1976]. Из конкретно-языковых описаний, см., например, описание системы превербов в агульском [Майсак, Мерданова 2002], хиналугском [Кибрик и др. 1972: 225–234], крызском и будухском [Алексеев 1983].

Основная проблема, возникающая при ближайшем ознакомлении с подобными граммемами, заключается в том, что реальная сфера их употребления не покрывается формулировками типа “нахождение на вертикальной плоскости” или “нахождение в соприкосновении” (последняя, к тому же, является слишком абстрактной и не отражает реального положения дел)⁴. С одной стороны, иногда такие показатели все же обозначают нахождение на горизонтальной поверхности. С другой стороны, ими описываются далеко не все случаи местонахождения на вертикальной поверхности (некоторые примеры см. ниже).

Таким образом, во многих нахско-дагестанских языках система локализаций включает две грамлемы, используемые для обозначения нахождения на поверхности. Одним из параметров, позволяющим уловить семантический контраст между двумя локализациями, является противопоставление поверхностей по ориентации в пространстве (горизонтальная или вертикальная), принятое в дагестановедении. Однако такое описание оказывается не вполне адекватным.

В этой работе мы следуем уже установившейся традиции и обозначаем одну из этих локализаций ярлыком SUPER, а другую – ярлыком CONT (в традиционных описаниях, соответственно, “нахождение на горизонтальной поверхности” и “нахождение на вертикальной поверхности или в контакте”). Впервые эти ярлыки, хотя и в несколько другом значении, были введены (в кириллическом написании) в грамматике арчинского языка А.Е. Кибрика, см. [Кибрик 1977: 163, 166].

В настоящей работе мы попытаемся определить семантическую специфику показателей локализации CONT в различных дагестанских языках и выявить инвентарь значений, выражаемых этими показателями.

Таким образом, прежде всего нам следует установить языки, в которых представлена локализация CONT. С этой целью нами был изучен материал нахско-дагестанских языков, которые перечислены в таблице 2 (в соответствии с генетической классификацией внутри семьи).

Таблица 2

Генетическая классификация нахско-дагестанских языков

Генетическая группа	Название языка
аваро-андо-цезские	
аварский	<i>литературный</i>
андийские	андийский, ахвахский, багвалинский, годоберинский, каратинский, тиндинский, чамалинский
цезские	бежтинский, гунизбский, цезский, гинухский
лакский	<i>литературный</i>
даргинский	<i>акушинский диалект, ицаринский диалект, кайтагский диалект, мугинский диалект</i>
лезгинские	агульский, лезгинский, табасаранский, рутульский, цахурский, будухский(?), крызский(?), арчинский, удинский
хиналугский	<i>хиналугский</i>
нахские	<i>ингушский, чеченский</i>

⁴ Как справедливо указывает М.В. Филипенко в своем обзоре основных направлений в исследовании пространственных предлогов, “геометрические” разграничения пространственных показателей (типа ориентации поверхности) являются отражением структуралистского подхода к описанию языка, “когда важно указать место языковой единицы в системе, противопоставив ее в некотором отношении другим единицам”, “признак ... служит такому различению предлогов, но, будучи подчинен указанной узкой задаче, естественно, не объясняет многие свойства конкретных предлогов” [Филипенко 2000: 14].

Изучение языкового материала показало, что локализация CONT отсутствует в нахских языках, арчинском, будухском, удинском, хиналугском, лакском, ахвахском, чамалинском и литературном аварском (в таблице выделены курсивом). В отличие от литературного аварского, в ряде южных аварских диалектов и говоров, по-видимому, можно выделить локализацию CONT (обзор аварских диалектных данных см. в [Микайлов 1959]).

В даргинском языке локализация CONT, по-видимому, полностью отсутствует, о чем свидетельствуют как данные большинства имеющихся описаний, так и наши материалы по акушинскому, ицаринскому, кайтагскому и мугинскому диалектам. Не совсем понятным остается утверждение в [Хайдаков 1985: 58–60, 67–68] о различном обозначении нахождения на горизонтальной и вертикальной поверхности в ряде даргинских диалектов (в т.ч. и в акушинском). Согласно этой работе, “нахождение предмета в массе, емкости, а также на вертикальной поверхности” выражается в акушинском диалекте показателем *-zi*, тогда как “нахождение предмета на горизонтальной поверхности” обозначается при помощи показателя *-çi*. Заметим, что в наиболее подробном на настоящий момент описании семантики пространственных падежей в даргинском языке [Мусаев 1984] такой функции показателя *-zi* не отмечается.

Наконец, имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет установить наличие или отсутствие локализации CONT в крызском языке, где имеется локализация с показателем *-k*, который соответствует показателям локализации CONT в других лезгинских языках. Однако данные об употреблении этой локализации отсутствуют⁵.

В целом, можно сказать, что изучаемая категория характерна для языков андийской, цезской и лезгинской подгрупп (языки, в которых представлена локализация CONT, в таблице выделены полужирным шрифтом).

Основным материалом этой работы послужили данные, полученные в ходе работы с носителями следующих языков: андийского, каратинского (андийские), бежтинского, цезского (цезские), агульского, лезгинского и табасаранского (лезгинские). Сведения по другим языкам почерпнуты из имеющихся грамматических описаний.

Наряду с другими пространственными значениями, которые в дагестанских языках выражаются падежными формами, семантика локализации CONT рассматривается в [Тестелец 1980]. В этой работе, по-видимому, впервые отмечается, что определение локализации CONT как показателя, выражающего нахождение на боковой поверхности, является верным лишь для части употреблений этой локализации. Более точно ее значение описывается как “в полном контакте с ориентиром” или, более подробно, как “полностью осуществленная возможность контакта с ориентиром; локализационная область совпадает с самим ориентиром, причем часто происходит взаимопроникновение локализуемого объекта и ориентира” [Там же: 29]. В этой же работе введено условное обозначение данного типа показателей КОНТ. При этом в западноцезских языках Я.Г. Тестелец также выделяет локализацию ВЕРТ, которая как раз и используется для обозначения на боковой (вертикальной) поверхности ориентира [Там же: 41]. В настоящей работе мы объединяем показатели типа КОНТ и ВЕРТ в единую категорию и рассматриваем их как разные семантические типы в рамках этой категории.

2. СЕМАНТИКА ЛОКАЛИЗАЦИИ CONT

В настоящем разделе дается описание основных типов пространственных употреблений локализации CONT, зафиксированных в различных дагестанских языках. Во всех

⁵ В будухском языке, генетически наиболее близком крызскому, по данным словаря [Мейланова 1984], сфера пространственных употреблений показателя *-k* ограничена несколькими примерами типа “К стене картина прибита”. Скорее всего, данный показатель в настоящее время употребляется в основном для выражения непространственных значений (а форма элатива *-kir*, по-видимому, имеет только непространственные употребления).

рассматриваемых нами языках эта локализация выражает местонахождение объекта на поверхности ориентира. Однако поверхность ориентира является не единственной топологической зоной, нахождение в которой может описываться с помощью локализации CONT. В некоторых языках эта локализация также используется для обозначения нахождения объекта внутри или около ориентира.

Последующие три раздела основаны на анализе материала лезгинских, цезских и андийских языков и посвящены описанию пространственных употреблений, связанных, соответственно, с нахождением на поверхности, во внутренней области и в окрестности ориентира. В заключении подводятся некоторые итоги исследования.

2.1. Местонахождение на поверхности ориентира

Как уже было отмечено выше, нередко в грамматических описаниях дагестанских языков локализация CONT характеризуется как локализация, обозначающая местонахождение объекта на вертикальной поверхности. В ряде контекстов локализация CONT действительно коррелирует с этим значением, как показано в примере (3) из агульского языка, в противоположность локализации SUPER, использованной в примере (4) для обозначения нахождения на горизонтальной поверхности:

(3) cili-k išk̄il k-ea
стена-CONT рисунок CONT-находиться
На стене рисунок висит (=есть).

(4) ustuli-l kitab ald-ea.
стол-SUPER книга SUPER-находиться
На столе лежит книга.

Несмотря на то, что семантика локализации CONT в разных дагестанских языках различается довольно сильно, можно сказать, что, по-видимому, ни в одном из рассматриваемых нами языков противопоставление по ориентации поверхности не отражает реального распределения показателей (за исключением, возможно, цезского языка). Ср. приведенные выше примеры (3) и (4) с примером (5), который демонстрирует, что ориентация поверхности не определяет однозначно использование того или иного показателя:

(5) cili-l t'ut' ald-ea.
стена-SUPER муха SUPER-находиться
На стене муха сидит.

В примерах (4) и (5), несмотря на различие по ориентации поверхности, употреблен один и тот же показатель локализации SUPER. Пример (5) также показывает возможность использования локализации SUPER для обозначения местонахождения на вертикальной поверхности.

В общем виде распределение локализаций SUPER и CONT в агульском языке при описании нахождения объекта на поверхности можно сформулировать следующим образом. Локализацию CONT следует использовать в том случае, если находящийся на поверхности объект “висит” на ней, т.е. удерживается, не падает благодаря наличию какого-либо внешнего крепления [ср. пример (3)⁶]. Показатель локализации SUPER

⁶ Отметим в связи с этим, что в агульском и других восточнолезгинских языках отсутствует специальный глагол со значением ‘висеть’. Для передачи этого смысла используется либо локативная связка в сочетании с превербом локализации CONT (в контекстах типа *Картина висит на стене*), либо глагол со значением ‘простирается, протягивается’ (в контекстах типа *Платье висит в шкафу*).

должен быть использован, если объект удерживается на поверхности самостоятельно, не будучи прикрепленным к поверхности, например, поверхность представляет собой “опору”, “подставку” для объекта, как в примере (4), или же объект обладает способностью самостоятельно удерживаться на поверхности, ориентированной вертикально, как в примере (5). Ситуация, аналогичная агульской, наблюдается и в большинстве других языков (подробнее об исключениях и разных семантических типах локализации CONT см. далее).

Тем самым, оказывается, что распределение локализаций SUPER и CONT связано не с ориентацией поверхности, на которой находится описываемый объект, а определяется функциональными параметрами, а именно тем, к а к и м о б р а з о м описываемый объект удерживается на поверхности. Иными словами, локализация CONT является средством, позволяющим указать, что описываемый объект п р и к р е п л е н к поверхности.

При таком описании семантики локализации CONT можно легко показать, что ориентация поверхности (горизонтальная/вертикальная) является лишь семантическим следствием более общей закономерности. Очевидно, что противопоставление по ориентации поверхности возникает вследствие того, что наиболее часто конфигурация, при которой объект удерживается на поверхности благодаря внешнему креплению, имеется в тех случаях, когда поверхность не является для объекта горизонтальной опорой (например, такие объекты, как стена или потолок).

Сформулированное выше распределение между локализациями CONT и SUPER позволяет также объяснить использование локализации CONT в некоторых других случаях. В частности, его логическим следствием является обозначение при помощи этой локализации актанта в моделях управления глаголов типа ‘прижать’, ‘приклеить’, ‘привязать’, описывающих п л о т н ы й к о н т а к т двух поверхностей, то есть такую ситуацию, когда поверхность объекта плотно прижата (“приклеена”) к поверхности ориентира. См. пример из бежтинского языка:

(6)	XõXi-ł	õže	ico-го.
	дерево-Cont	мальчик	привязывать-Pst
	<i>Мальчика к дереву привязали.</i>		

Очевидно, что здесь мы имеем дело с тем же самым типом функционального взаимодействия между объектом и ориентиром, поскольку в данном случае нахождение объекта на поверхности также задается некоторой внешней связью. Ориентация поверхности (вертикальная/горизонтальная) в ситуации плотного контакта не играет никакой роли, поскольку сама эта ситуация предполагает, что позиция объекта жестко детерминирована внешней силой и не зависит от ориентации поверхности или способности самостоятельно удерживаться на поверхности. Тем самым, в контексте имен существительных, называющих одушевленные существа (типа мухи), нередко возникает контраст между локализациями SUPER и CONT. При использовании локализации SUPER описывается “обычная” ситуация, при которой одушевленный объект находится на поверхности (горизонтальной или вертикальной) по собственной воле и удерживается на этой поверхности самостоятельно. Использование же локализации CONT показывает, что, вопреки ожиданиям, нахождение объекта на поверхности не связано с функциональной интерпретацией поверхности как “опоры” или со способностью объекта самостоятельно удерживаться на вертикальной поверхности – на самом деле, объект находится на поверхности вследствие того, что он прикреплен к ней. Нередко в таких контекстах возникает импликация нежелательности такой ситуации (например, “муха попала в ловушку”), поскольку объект в этом случае лишен свободы действий. Ср. следующую пару предложений из лезгинского языка:

(7) a.	cla-l	t'at'	al-a.
	стена-Super	муха	Super-находиться
	<i>На стене муха сидит ("сама").</i>		

b. cla-k	t' at'	к _o -a.
стена-Cont	муха	Cont-находиться

На стене муха сидит (она не может улететь, может быть, она приклеилась).

Наличие жесткой связи между объектом и ориентиром объединяет описанные выше контексты “плотного контакта” с контекстами, в которых непосредственный контакт поверхностей отсутствует, однако положение объекта по отношению к ориентиру жестко фиксировано за счет наличия связующего звена (в контекстах типа “корову привязали к забору”).

Эти два типа употреблений – крепление к поверхности и плотный контакт – выражаются при помощи локализации CONT во всех изученных нами лезгинских и цезских языках (далее они будут называться основными употреблением). Кроме того, в агульском, табасаранском и цезском языках зафиксировано использование локализации CONT при глаголах со значением ‘подниматься’ и ‘спускаться’ для обозначения одной из локативных ролей (исходной точки, маршрута или конечной точки), см. пример из табасаранского языка [Ханмагомедов, Шалбузов 2001: 192]:

(8) Rarzu-k kerp'ub.
 скала-Cont взбираться
Взобраться на скалу.

Специально наличие такого употребления у локализации CONT в других дагестанских языках не проверялось, однако, его семантическая близость к основным употреблениям позволяет предположить, что и в остальных языках это значение должно быть представлено. Действительно, локативный актант оформляется показателем локализации CONT в тех ситуациях перемещения, в которых поверхность не является для объекта горизонтальной опорой, и, следовательно, перемещающемуся объекту требуются дополнительные усилия для удержания на поверхности. Если же ориентир является “обычной” горизонтальной опорой для перемещающегося объекта, локализация CONT не используется. Ср. следующую пару примеров из агульского языка:

(9) a. timur aRuč'a-a dahari-k-as.
 Тимур подниматься-Prs гора-Cont-El
Тимур поднимается по горе.

b. timur aRuč'a-a züleri-ʔ-as warĭ.
 Тимур подниматься-Prs лестница-In-El вверх
Тимур поднимается по лестнице.

Теперь мы переходим к описанию тех употреблений, которые характерны не для всех, а лишь для отдельных дагестанских языков. Сначала рассмотрим данные восточнолезгинских (т.е. лезгинского, агульского и табасаранского) языков, которые демонстрируют значительное сходство в семантике локализации CONT⁷.

Особую интерпретацию имеют предложения, в которых в качестве локализуемого объекта выступает “покрытие” (например, ковер). Такое сочетание описывает ситуа-

⁷ Во всех восточнолезгинских (а также в рутульском и цахурском) языках локализация CONT имеет показатель -k. В лезгинском, рутульском, цахурском языках и некоторых говорах агульского языка показатель этой локализации по фонетическим причинам совпал с показателем локализации SUB (‘под’). В табасаранском и агульском языках (за исключением отдельных говоров последнего) локализация SUB имеет показатель -k̄. Подробнее об этом см. [Алексеев 2003: 118, 146].

цию, в которой покрытие находится в функциональном состоянии, т.е. расстелено по поверхности.

Использование локализации SUPER в этом контексте означает лишь, что покрытие находится на поверхности ориентира, но не обязательно в функциональном состоянии, например, лежит в свернутом виде на полу (хотя может быть и расстелено, здесь важно лишь то, что покрытие находится на поверхности). Таким образом, при описании расстеленного на полу покрытия в лезгинских языках возникает контраст между локализациями SUPER и CONT. Первая локализация акцентирует то, что покрытие и ориентир являются независимыми друг от друга объектами, вторая же локализация, напротив, подчеркивает, что покрытие как бы является частью поверхности. См. примеры из южного диалекта табасаранского языка:

(10) a. poli-k barXal k-a.
пол-Cont ковер Cont-находиться
На полу расстелен ковер.

b. pol-ʔin barXal alʒ-a.
пол-Super ковер Super-находиться
На поверхности пола лежит (свернутый) ковер.

Другая интерпретация локализации CONT возникает в контекстах, где объект является “несамостоятельным”, т.е. не существует отдельно от поверхности ориентира и выделяется только как фрагмент этой поверхности, обладающий некоторыми отличиями его от остального пространства свойствами, например, цветом. См. пример из агульского языка:

(11) supraji-k t'ant'a-jar k-ea.
скатерть-Cont пятно-Pl Cont-находиться
На скатерти пятна (есть).

Последние два значения локализации CONT отличаются от описанных ранее тем, что здесь речь не идет об удержании объекта на поверхности за счет внешнего крепления. Сразу отметим, что это не единственный контекст, в котором отсутствует компонент крепления к поверхности. Как кажется, мы имеем дело с семантическим переходом от контекстов типа “картина на стене”, описывающих положение объекта, прикрепленного к поверхности, к контекстам, в которых использование локализации CONT обусловлено другим семантическим параметром, а именно – возможностью концептуализации объекта как поверхности ориентира. Так, в предыдущем примере ковер, расстеленный по поверхности пола, фактически функционирует как поверхность пола (говоря о том, что на полу расстелен ковер, мы на самом деле обычно не различаем сам пол и расстеленный на нем ковер; ковер для нас и является поверхностью пола). То же самое имеется и в случае пятна или рисунка на поверхности, поскольку здесь объект не существует отдельно от ориентира и представляет собой часть поверхности.

Следующая группа употреблений представлена в контекстах, где исходное значение крепления к поверхности также полностью отсутствует. В этих случаях речь идет об объектах, которые представляют “выступающие” части целого (в том числе части тела). Причем нередко положение объекта относительно ориентира невозможно представить как нахождение на поверхности (либо, если возможно, нахождение на поверхности оказывается очень абстрактным). См. агульские примеры:

(12) a. gi-n Xili-k t'ur-ar k-ea.
он-Gen рука-Cont бородавка-Pl Cont-находиться
У него на руке бородавки.

b. darala-k-as řeř k-eř-arxu-ne.
 дерево-Cont-El лист Cont-El-падать-Pst
С дерева упал лист.

c. gi-k baba ubur-ar k-ea.
 он-Cont большой ухо-Pl Cont-находиться
У него большие уши.

Возникновение такого компонента в семантике локализации CONT выглядит вполне объяснимым. Действительно, “выступающие” части выглядят и легко могут быть осмыслены как прикрепленные к ориентир в некоторой точке, и, следовательно, для описания их положения может быть использована локализация CONT.

Таким образом, в восточнолезгинских (лезгинском, агульском и табасаранском) языках все употребления локализации CONT, связанные с обозначением нахождения на поверхности, можно разделить на две семантически связанных между собой группы:

- (i) обозначение объекта, прикрепленного к поверхности (*картина на стене; муха приклеилась к стене*);
- (ii) обозначение объекта, функционирующего как поверхность ориентира (*ковер на полу*) или являющегося частью ориентира (*бородавка на руке; листья на дереве*).

По всей видимости, в целом таковы же функции локализации CONT в рутульском языке.

Совершенно иная полисемия представлена в цезских языках. Употребления, характерные для локализации CONT в лезгинских языках, здесь отсутствуют. В обоих исследованных нами цезских языках (бежтинском и цезском) зафиксировано использование локализации CONT в контекстах, описывающих ситуацию жесткой фиксации объекта относительно ориентира (в [Рахилина, Лемменс 2003] такие ситуации обозначаются ярлыком *т р е х м е р н ы й к о н т а к т*).

Употребления этого типа, в зависимости от типа описываемого объекта, распадаются на две группы. С одной стороны, объект может входить в таксономический класс “контейнеров” (т.е. иметь внутреннюю полость, например, перчатка, носок). С другой стороны, такие употребления реализуются при объектах типа кольца, представляющих собой “квазиконтейнеры”, или “контейнеры без дна” (семантические ярлыки также введены в [Рахилина, Лемменс 2003]). Примеры на эти употребления представлены в предложениях (13) из бежтинского языка:

(13) a. hokLo-la zoL'i-ř k'õjrä meXen-nä-j.
 тот-Gen палец-Cont кольцо надевать-Res-Cop
У него на пальце кольцо надето.

b. di-lä ka-ř kosa gel.
 я-Gen рука-Cont перчатка есть
У меня на руке перчатка (есть).

Семантическое условие, позволяющее использовать локализацию CONT в таком значении, заключается в следующем: объект, пространственное расположение которого описывает данное предложение, с функциональной точки зрения предназначен для того, чтобы “быть надетым” на ориентир.

Еще один тип пространственных употреблений локализации CONT в цезских языках связан с обозначением слоя, нанесенного на ориентир. Эти употребления проиллюстрированы в следующих предложениях из бежтинского языка:

(14) a. do korodara-ř krem-i meXen-nä.
 я руки-Cont крем-Cop класть-Res
Я помазал руки кремом (букв. Я положил крем на руки).

b. goso-ł	k'irāž	reXen-nä-j.
стена-Cont	известь	власть-Res-Cop
<i>Стена побелена (букв. На стену положили известь).</i>		

Интересно, что значительная часть примеров на этот тип употреблений в русском языке обычно концептуализуется и, соответственно, переводится не как локативные конструкции типа “X (находится/помещен) на Y”, а как конструкции, описывающие ситуацию изменения свойств ориентира.

Однако и между языками цезской группы также имеются достаточно сильные расхождения в семантике локализации CONT. В бежтинском языке, в отличие от всех остальных языков, имеется группа контекстов, которые, как кажется, очень похожи на описанные выше употребления локализации CONT в лезгинских языках, а именно, употребления, связанные с обозначением объекта, равномерно “покрывающего” поверхность ориентира.

В отличие от лезгинских языков, где для употребления локализации CONT достаточно того, чтобы объект в функциональном отношении представлял собой часть (например, поверхность) ориентира, в бежтинском языке требуется, чтобы объект покрывал собой всю поверхность ориентира, тем самым, скрывая сам ориентир от непосредственного наблюдения, как показано в примере (15):

(15) a. ēXe-ł	boło	meL'e-nä-j.
река-Cont	лед	идти-Res-Cop
<i>Река покрылась льдом (букв. На реку лед пришел).</i>		

b. äLä-ł	ōz	jōqo-na-j.
село-Cont	снег	приходить-Res-Cop
<i>Селение (полностью) засыпано снегом (букв. На село снег пришел).</i>		

Такие употребления, видимо, семантически связаны контекстами типа “перчатка на руке”, описывающими “надетый” на ориентир объект, поскольку в обоих случаях вся поверхность ориентира обычно скрыта под объектом.

Таким образом, в бежтинском языке, как и в лезгинских языках, у части употреблений отсутствует идея крепления объекта к ориентиру. Однако “встраивается” она в семантику показателя локализации CONT иначе, чем в лезгинских языках. Здесь мы имеем дело со следующими типами употреблений:

- (i) обозначение объекта, прикрепленного к поверхности (*картина на стене*);
- (ii) обозначение объекта, “надетого” на ориентир (*перчатка на руке, кольцо на пальце*);
- (iii) обозначение объекта, покрывающего поверхность ориентира или представляющего собой слой, нанесенный на ориентир (*лед на реке, известка на стене*).

Уникальная ситуация представлена в цезском языке. Как кажется, этот язык дает пример локализации CONT, для которой традиционный ярлык “нахождение на вертикальной поверхности” оказывается верным, поскольку она используется во всех контекстах, описывающих нахождение на вертикальной поверхности или, более широко, на поверхности, не являющейся горизонтальной опорой. При этом, по-видимому, именно ориентация поверхности здесь играет первостепенную роль, функциональные же факторы (такие, как способ удержания объекта на поверхности) не важны. Ср. следующие цезские примеры (замена локализации CONT на локализацию SUPER в этих контекстах невозможна):

(16) a. qido-q	Xaliča	biXesi.
стена-Cont	ковер	повешен
<i>На стене висит ковер.</i>		

b. t'ut'	qido-q	joʻl.
муха	стена-CONT	есть
<i>На стене сидит муха.</i>		

Впервые эта особенность показателя *-q* в цезском языке была отмечена в [Тестелец 1980: 41]. В этой же работе было предложено отличать такую локализацию от локализации CONT (за которой закреплялась, в основном, функция нахождения внутри) и обозначать ее при помощи условного ярлыка ВЕРГ.

Тем самым, употребления локализации CONT в цезском языке распадаются на три группы:

- (i) обозначение объекта, находящегося на поверхности, не являющейся горизонтальной опорой (*картина / муха на стене*);
- (ii) обозначение объекта, положение которого жестко детерминировано ориентиром (*перчатка на руке, кольцо на пальце*);
- (iii) обозначение объекта, представляющего собой слой, нанесенный на ориентир (*известка на стене*).

Употребления, описанные здесь на материале бежтинского и цезского языков, судя по нашим данным, а также по данным работы [Бокарев 1959], характерны и для других языков цезской группы – гунзибского, гинухского и хваршинского. Причем в гунзибском языке, видимо, представлен “бежтинский” вариант локализации CONT, а в гинухском и хваршинском локализация CONT с семантической точки зрения в целом, скорее всего, аналогична цезской. Таким образом, в рамках цезской группы восточноцезская (бежтинский и гунзибский) и западноцезская (цезский, гинухский и хваршинский) подгруппы противопоставлены по семантическому типу локализации CONT.

Наконец, особая ситуация представлена в андийских языках. Эта ситуация связана с чертой, которая отличает андийские языки от других нахско-дагестанских языков, а именно с активным процессом утраты пространственных значений и значительной десемантизацией показателей локализаций. Так, во многих языках пространственные значения, приписанные тому или иному показателю локализации, в действительности чаще (а в некоторых случаях и почти исключительно) выражаются пространственными послелогом. Наиболее показательна в этом отношении ситуация, представленная в годоберинском языке, где показатели почти всех локализаций практически утратили пространственные значения, а некоторые пространственные послелогом уже настолько морфологизованы, что, в принципе, могут рассматриваться как новые показатели локализаций (подробнее об этом см. [Кибрик 2003]).

В багвалинском языке, по свидетельству [Даниэль 2001: 226], локализация CONT (показатель *-cʰ*) в собственно пространственном значении в настоящее время практически не используется. По-видимому, показатель *-cʰ* в багвалинском языке либо уже утратил пространственные употребления, либо находится на последних этапах этого процесса.

В годоберинском языке представлена сходная ситуация. В описании [Kibrik (ed.) 1996: 84] утверждается, что в своем исходном пространственном значении ‘в контакте с ориентиром’ показатель *-cʰ* используется очень редко, из чего можно сделать вывод, что данный показатель если еще не утратил пространственное значение полностью, то, по крайней мере, очень близок к этому.

В каратинском языке по данным грамматики [Магомедбекова 1971: 74] показателем, используемым для выражения рассматриваемых значений, как и в других андийских языках, является показатель *-cʰi*. В указанной работе приводится пример только на пространственное употребление “на сабле есть кровавое пятно”. В разговорной речи, однако, этот показатель в пространственных значениях, по-видимому, используется очень редко. Опрошенные нами носители каратинского языка употребление локализации CONT в перечисленных выше контекстах считают сомнительным и предпочитают использовать локализацию SUPER (показатель *-a*). Единственным типом контекстов, в

которых показатель *-č'i* встречается регулярно, являясь предложения, описывающие ситуацию плотного контакта между поверхностями.

В тиндинском языке, согласно [Сулейманов 1992: 116], “нахождение на вертикальной поверхности” выражается при помощи показателя *-L* локализации INTER, основным значением которой является нахождение “в сплошной массе, среде” (более подробными данными по тиндинскому языку мы не располагаем).

В андийском языке (говор с. Риквани) для выражения значений, входящих в семантическую зону CONT, имеется специализированный показатель *-č'i*. В очерках морфологии андийского языка этот показатель характеризуется как выражающий местонахождение “на вертикальной поверхности” [Алексеев 1999: 224]. Как и в других языках, такое описание оказывается не вполне точным, поскольку в действительности локализация CONT в рикванинском говоре андийского языка используется в ситуациях крепления и плотного контакта (т.е. в контекстах типа “картина (висит) на стене”, “пришить к халату пуговицу” и “пятно на скатерти”). Подобные употребления нередко объединяются с другими контекстами, описывающими местонахождение на поверхности ориентира, и, соответственно, выражаются с помощью локализации SUPER (показатель *-lʔa*). Как и в каратинском языке, единственным употреблением, характерным исключительно для показателя *-č'i*, является выражение локативного актанта при глаголах плотного контакта.

Таким образом, можно сказать, что показатель *-lʔa* выражает местонахождение на поверхности независимо от ее ориентации и способа удержания объекта на ней, показатель же *-č'i* используется в тех случаях, когда необходимо специально указать, что описываемая ситуация связана с некоторым нестандартным функциональным взаимодействием между объектом и ориентиром (в контекстах типа “картина (висит) на стене” и “пятно на скатерти”).

Наиболее заметный сдвиг в семантике показателя *-č'* произошел в чамалинском языке. В отличие от других андийских языков, в которых этот показатель в той или иной степени утратил пространственные значения, чамалинский язык сохранил этот тип употреблений и даже расширил сферу использования показателя *-č'* в пространственной области. В чамалинском языке этот показатель, диахронически представляющий собой показатель локализации CONT, в ходе семантической эволюции превратился в показатель местонахождения на поверхности, независимо от ее ориентации (вертикальная/горизонтальная) и способа удержания на ней объекта, т.е. локализацию SUPER. Тем самым, можно утверждать, что в данном случае значения семантической зоны CONT являются диахронически исходными и именно на их основе развились употребления этого показателя в значении местонахождения на поверхности-опоре (типа *книга лежит на столе*).

Таким образом, из рассмотренных андийских языков только собственно андийский сохраняет устойчивую сферу употребления. При этом следует отметить, что в андийском языке локализация CONT используется только в основных употреблениях, связанных с обозначением плотного контакта. В остальных андийских языках в семантике показателя *-č'(u)* произошли значительные изменения: в чамалинском языке этот показатель превратился в показатель локализации SUPER, а в остальных языках находится в процессе утраты пространственных употреблений. Степень утраты пространственных употреблений варьирует в зависимости от языка. Окончательно завершенным этот процесс, по-видимому, можно считать в каратинском языке. На такой же (или очень близкой) стадии эволюции, как кажется, находятся багвалинский и годоберинский языки.

2.2. Местонахождение внутри ориентира

Следующий класс употреблений локализации CONT, который мы рассмотрим, связан с обозначением местонахождения объекта во внутренней области ориентира. Это значение представлено далеко не во всех рассматриваемых языках, а, скорее, харак-

терно для языков лезгинской группы, в частности, для лезгинского, агульского и табасаранского, материал которых был изучен подробно. Кроме этого, данные имеющихся грамматических описаний позволяют говорить о наличии таких употреблений и в рутульском языке [Ибрагимов 1978: 54–55; Махмудова 2001: 81–82; Джамалов 1990: 123].

Во всех этих языках локализация CONT является не единственным способом обозначения нахождения внутри ориентира, и здесь, как и в случае поверхности ориентира, специфика этой локализации связана не с пространственными параметрами, а с наличием особых функциональных отношений между объектом и ориентиром. В отличие от других локализаций, локализация CONT в агульском и табасаранском языках (о лезгинском см. ниже отдельно) выражает такое местонахождение объекта в ориентире, при котором объект концептуализируется как составная часть ориентира.

В рамках этого общего значения можно выделить два типа употреблений. Первый, наиболее частый, тип представлен в контекстах, описывающих такую ситуацию, в которой объект и ориентир неразличимы, они представляют собой единое целое, в котором невозможно выделить составные части. Соответственно, этот тип употреблений встречается в тех случаях, когда объект входит в состав ориентира, однако точно локализовать объект в ориентире невозможно, объект как бы “рассеян” по всему ориентире. См. пример из агульского языка:

- (17) *ʒuraji-k* *q'el* *k-ea*.
суп-CONT соль CONT-находиться
Суп посолен (= в супе соль есть).

Во втором типе употреблений, наоборот, находящийся в ориентире объект легко может быть выделен, однако использование локализации CONT подчеркивает, что данный объект представляет собой составную часть ориентира, см. пример из южного диалекта табасаранского языка:

- (18) *ʒukra-k* *kartf-ar* *k-aji?*
суп-CONT картошка-PL CONT-находиться
В супе картошка есть?

В агульском и табасаранском языках в семантическом поле местонахождения внутри ориентира противопоставлены три локализации. Локализация IN выражает местонахождение объекта в полном ориентире, локализация INTER⁸ обозначает местонахождение функционально независимого объекта в аморфной массе или совокупности, и, наконец, локализация CONT употребляется в тех случаях, когда объект в функциональном отношении представляет собой часть ориентира.

Несколько иная ситуация представлена в лезгинском языке. Здесь показатель *-k*, этимологически тождественный показателям локализации CONT в агульском и табасаранском, совмещенно выражает значения двух семантических зон – INTER и CONT. Соответственно, не различаются и две возможные концептуализации нахождения незави-

⁸ Во многих дагестанских языках в системе пространственных показателей представлена также локализация INTER со значением нахождения в аморфном веществе, массе (обзор показателей этого типа см. в [Кибрик 1970; Тестелец 1980]). Локализации INTER и CONT сближает концепт полного контакта [Кибрик 1970: 119–120], и, по-видимому, их можно рассматривать как единый континуум значений, в котором разные языки выбирают разные фрагменты. В некоторых языках (агульском, табасаранском, цезском) в этом континууме выделены два фрагмента, т.е. имеются обе локализации. В других языках грамматически оформлен только один из них: INTER (ахвахский, аварский, арчинский) или CONT (бежтинский, цахурский). В пользу объединения этих двух локализаций в одну семантическую категорию свидетельствует также материал лезгинского, рутульского и тиндинского языков, в каждом из которых представлена единая локализация INTER/CONT.

симого объекта в ориентире: как функционально независимого или как представляющего собой составную часть ориентира.

Как уже было отмечено, использование локализации CONT в контекстах, описывающих местонахождение объекта внутри ориентира, характерно, прежде всего, для лезгинских языков. Из прочих языков похожие употребления представлены в бежтинском языке, где показатель *-t* используется в модели управления глагола со значением 'смешиваться' для обозначения смешивающегося вещества. В большинстве нахско-дагестанских языков этот актант оформляется показателем локализации INTER. Возможно, в бежтинском это значение локализации CONT также семантически связано с местонахождением объекта в аморфном веществе, поскольку этимологически показатель локализации CONT *-t* в бежтинском соответствует показателям локализации INTER в западноцезских языках.

2.3. Местонахождение объекта рядом с ориентиром

Последнее пространственное значение, выражаемое локализацией CONT, встречается очень редко и связано с обозначением местонахождения объекта в окрестности ориентира. По нашим данным, это значение зафиксировано только у показателя *-qo* в западноцезских языках. Подробно семантика локализации CONT в таких контекстах и ее отличия от других локализаций, выражающих нахождение рядом с ориентиром, не изучалась. Приведем пример из гинухского языка:

(19)	<i>uži-j</i>	<i>doska-qo</i>	<i>darsi</i>	<i>eso.</i>
	мальчик-Erg	доска-Cont	урок	рассказывает
	<i>Мальчик отвечает урок у доски.</i>			

Кроме того, такое же значение локализации CONT, по-видимому, было представлено ранее и в чамалинском языке. Синхронно в чамалинском языке у показателя *-č* имеются два значения – местонахождение на поверхности и местонахождение рядом с ориентиром. При этом известно, что этот показатель этимологически соответствует показателям локализации CONT в других андийских языках (см. раздел 2.1). Можно предположить, что оба значения, представленных на синхронном уровне, семантически производны от основных значений семантической зоны CONT.

3. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Таким образом, мы рассмотрели типы пространственных употреблений локализации CONT в нахско-дагестанских языках. Настоящая работа представляет собой первую попытку выявления параметров межъязыкового варьирования в этой области. По данным рассмотренных дагестанских языков семантическая зона CONT включает следующие пространственные употребления:

- обозначение объекта, прикрепленного к поверхности (*картина на стене*);
- выражение локативного актанта при глаголах плотного контакта (*пришить к халату*);
- выражение локативного актанта при глаголах 'подниматься' и 'спускаться';
- обозначение объекта, функционирующего как часть ориентира или являющегося частью ориентира (*ковер на полу, бородавка на руке*);
- обозначение "несамостоятельного" объекта (*пятно на скатерти*);
- обозначение объекта, "надетого" на ориентир (*перчатка на руке, кольцо на пальце*);
- обозначение объекта, покрывающего поверхность ориентира или представляющего собой слой, нанесенный на ориентир (*лед на реке, известка на стене*);
- обозначение местонахождения на любой поверхности, не являющейся горизонтальной опорой (*картина на стене, муха на стене*);
- обозначение объекта, входящего в состав ориентира (*соль, картошка в супе*);

– обозначение объекта, находящегося рядом с вертикальным ориентиром (*мальчик у доски*).

Данный инвентарь значений, безусловно, не является окончательным. Последующему уточнению подлежит как набор возможных употреблений локализации CONT, так и семантика показателей этой локализации в отдельных языках.

Как мы видели выше, сфера использования локализации CONT в различных языках отчасти пересекается. Общими для всех языков являются употребления в значении плотного контакта, описывающие местонахождение объекта, прикрепленного к поверхности. Однако включение этих употреблений в семантику показателя в разных языках происходит различным образом.

В восточнолезгинских языках (а также, по-видимому, в рутульском) идея крепления объекта к ориентиру объединяется посредством ряда переходных стадий с идеей функционирования объекта как части ориентира. При этом оказывается неважным, в какой именно топологической зоне ориентира находится описываемый объект. В действительности, он может находиться как на поверхности, так и внутри ориентира.

В бежтинском языке (а также, видимо, в гунзибском) локализация CONT выражает три типа функциональных отношений: крепление объекта к поверхности ориентира, жесткая фиксация объекта относительно ориентира и объект как верхний слой, покрывающий поверхность ориентира. Соответственно, эта же локализация используется и в других контекстах, в которых описываются подобные функциональные отношения, даже если чисто пространственную конфигурацию затруднительно охарактеризовать как нахождение на поверхности (ср. “снег на селе” выше).

В цезском языке сфера использования локализации CONT распространяется на все контексты, описывающие нахождение на поверхности, не являющейся горизонтальной опорой (*на стене, на потолке*). Важным отличием является обозначение при помощи этой локализации нахождение рядом с ориентиром. Кроме того, как и в бежтинском языке, эта локализация выражает функциональное отношение жесткой фиксации объекта относительно ориентира. Подобный набор функций имеет локализация CONT в других западноцезских языках – гинухском и хваршинском.

В андийских языках локализация CONT в значительной мере утратила пространственные употребления. Лишь в андийском языке она стабильно употребляется в контекстах, описывающих плотный контакт между объектом и ориентиром.

Представленный выше обзор семантических функций локализации CONT позволяет сделать несколько наблюдений.

Во-первых, семантическим ядром данной категории, по-видимому, действительно следует считать контексты, описывающие крепление объекта к поверхности и плотный контакт, поскольку только они являются общими для показателей во всех рассмотренных нами языках. Более того, в андийском языке локализация CONT используется только в этих контекстах. Различия между конкретно-языковыми показателями в лезгинских и цезских языках заключаются в наличии или отсутствии определенных дополнительных контекстов, при этом семантическая связь дополнительных контекстов с основными употреблениями почти всегда может быть объяснена.

Во-вторых, развитие семантики показателей в функциональном направлении во всех языках приводит к их использованию в тех контекстах, где геометрическая конфигурация не может быть установлена. Таким образом, показатели локализации CONT в дагестанских языках представляют собой яркую иллюстрацию того, что при функционировании пространственного показателя весьма важную роль, наряду с пространственными характеристиками ситуации, играет и функциональное взаимодействие между объектом и ориентиром.

Наконец, можно отметить, что распределение языков по типам показателей, в целом, хорошо соотносится с генетическими подгруппами в рамках нахско-дагестанской семьи. Единственное отклонение заключается в том, что по типу локализации CONT в языках цезской группы противопоставлены восточно- и западноцезские языки. Соответственно, в рамках каждой из этих групп локализация CONT выражается этимологи-

чески тождественными показателями и характеризуется наибольшей степенью семантической близости. На данном этапе исследования мы рассматривали показатели локализации CONT в близкородственных языках (восточнолезгинских, западноцезских, восточноцезских) как семантически тождественные. Очевидно, однако, что дальнейшие исследования в этой области должны привести к более тонкому описанию семантики этих локализаций, при котором, скорее всего, будут выявлены отличия и между этимологически тождественными показателями в близкородственных языках.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Cont	локализация CONT	Pl	множественное число
Сop	глагол-связка	Pst	прошедшее время
El	элатив	Res	результатив
Erg	эргатив	Sg	единственное число
Gen	генитив	Super	локализация SUPER
Imp	императив	–	морфемная граница

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев 1983 – М.Е. Алексеев. Превербные в крызском и будухском языках // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983.
- Алексеев 1985 – М.Е. Алексеев. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М., 1985.
- Алексеев 1988 – М.Е. Алексеев. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М., 1988.
- Алексеев 1999 – М.Е. Алексеев. Андийский язык // Языки мира: Кавказские языки. М., 1999.
- Алексеев 2003 – М.Е. Алексеев. Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категории имени. М., 2003.
- Бокарев 1948 – Е.А. Бокарев. Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках // Язык и мышление. М.; Л., 1948. Т. 11.
- Бокарев 1959 – Е.А. Бокарев. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959.
- Даниэль 2001 – М.А. Даниэль. Падеж и локализация // А.Е. Кибрик (ред.-сост.). Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари. М., 2001.
- Джамалов 1990 – К.Э. Джамалов. Способы выражения пространственных отношений в рутульском языке // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1990.
- Ибрагимов 1978 – Г.Х. Ибрагимов. Рутульский язык. М., 1978.
- Ибрагимов 1990 – Г.Х. Ибрагимов. Цахурский язык. М., 1990.
- Кибрик 1970 – А.Е. Кибрик. К типологии пространственных значений // Язык и человек. М., 1970.
- Кибрик 1977 – А.Е. Кибрик. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 2. М., 1977.
- Кибрик 2003 – А.Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб., 2003. (Глава 12. Именное словоизменение в дагестанских языках с типологическими параллелями.)
- Кибрик и др. 1972 – А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И.П. Оловянникова. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972.
- Магомедбекова 1971 – З.М. Магомедбекова. Каратинский язык. Тбилиси, 1971.
- Магомедов 1965 – А.А. Магомедов. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965.
- Махмудова 2001 – С.М. Махмудова. Морфология рутульского языка. М., 2001.
- Майсак, Мерданова 2002 – Т.А. Майсак, С.П. Мерданова. Система пространственных превербов в агульском языке // В.А. Плуноян (ред.). Исследования по теории грамматики. Грамматикализация пространственных значений. М., 2002.
- Мейланова 1984 – У.А. Мейланова. Будухско-русский словарь. М., 1984.
- Мейланова (ред.) 1979 – У.А. Мейланова (ред.). Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979.
- Мельчук 1998 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. II. М.; Вена, 1998.
- Мусаев 1984 – М.-С. М. Мусаев. Падежный состав даргинского языка (история местных падежей). Махачкала, 1984.

- Микаилов 1959 – *Ш.И. Микаилов*. Очерки аварской диалектологии. М., 1959.
- Рахилина, Лемменс 2003 – *Е.В. Рахилина, М. Лемменс*. Семантика русского *сидеть* на фоне нидерландского *zitten* // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.). М., 2003.
- Плунгян 2002 – *В.А. Плунгян*. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // В.А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Грамматикализация пространственных значений. М., 2002.
- Сулейманов 1992 – *Н.Д. Сулейманов*. К истории формирования морфем с вертикальной ориентацией в дагестанских языках (историко-типологический аспект) // Проблемы сравнительно-исторического исследования морфологии языков Дагестана. Махачкала, 1992.
- Талибов 1966 – *Б.Б. Талибов*. Грамматический очерк лезгинского языка // Б.Б. Талибов, М. Гаджиев. Лезгинско-русский словарь. М., 1966.
- Тестелец 1980 – *Я.Г. Тестелец*. Некоторые вопросы типологии систем пространственного склонения в дагестанских языках. Дипломная работа (р.кп.). М., 1980.
- Филипенко 2000 – *М.В. Филипенко*. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор) // Д. Пайар, О.Н. Селиверстова (ред.). Исследования по семантике предлогов. М., 2000.
- Хайдаков 1985 – *С.М. Хайдаков*. Даргинский и мегебский языки. Принципы словоизменения. М., 1985.
- Ханмагомедов, Шалбузов 2001 – *Б. Г.-К. Ханмагомедов, К.Т. Шалбузов*. Табасаранско-русский словарь, М., 2001.
- Хидиров 1976 – *В.С. Хидиров*. Сравнительно-типологическая характеристика превербов в языках лезгинской группы // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. III. Тбилиси, 1976.
- Comrie, Polinsky 1998 – *B. Comrie, M. Polinsky*. The great Daghestanian case hoax // A. Siewerska, J.J. Song (eds.) Case, typology and grammar. In honor of Barry J. Blake. Amsterdam, 1998.
- Kibrik (ed.) 1996 – *A.E. Kibrik* (ed.). Godoberi. München; New Castle, 1996.